

ГЛОБАЛИСТИКА И ФУТУРОЛОГИЯ

В.В. ЛУНЕЕВ

Политическая, социальная и экономическая несправедливость в мире и терроризм

Причин террористической деятельности называется много: политические, идеологические, националистические, сепаратистские, этнические, религиозные, психологические, территориальные, географические, социальные, экономические и т.д. Многие из них могут порождать различные, нередко непримиримые, противоречия и конфликты в обществе, разрешение которых определенные лица, слои, группы, партии и даже целые народы видят только в насильственном переустройстве жизни и даже мира в целом.

Это реализуется тогда, когда существенные объективные противоречия и конфликты годами, десятилетиями, а иногда и веками властвующими субъектами игнорируются и не разрешаются и когда в стане ущемленной стороны находятся силы, иницирующие насильственное разрешение противоречий. В этом плане терроризм иногда называют *борьбой слабых с сильными*.

ООН в своих ранних документах констатировала существование терроризма, который проистекает от нищеты, безысходности, бед и отчаяния, побуждающих некоторых людей к террору в целях радикальных перемен для притесняемых групп населения или целых народов. Поэтому в ООН, приняв ряд резолюций о терроризме, лишь в последние годы пришли к некоему единству взглядов о террористических методах, недопустимых для достижения любых политических, национальных или религиозных целей. Хотя в международных отношениях до сих пор остаются рецидивы двойных стандартов (например, в Чечне – борьба за свободу, а в Палестине – терроризм).

Главными детерминантами терроризма были и остаются *социально-экономические причины, выраженные в представлениях значительных масс населения о величайшей социальной несправедливости* собственного положения, на которую потом наслаиваются многие другие обстоятельства. Социально-экономические причины при этом окрашиваются в тот или иной политический, идеологический, национальный, религиозный или психологический "цвет", что еще более усиливает террористическую направленность различных групп и слоев населения и его отдельных представителей. При анализе названных причин надо четко различать их влияние на организаторов терроризма и на народы (социальные, национальные и иные религиозные группы), которые склонны поддерживать террористическую деятельность и составляют социальную базу терроризма.

Организаторы террора неспособны развить серьезную террористическую деятельность без наличия широкой социальной базы. А недовольные группы насе-

ния, не имеющие необходимой организации, также не могут заниматься системным терроризмом. При этом мотивация тех и других существенно различается. Первые добиваются достижения собственных политических, экономических или иных личностных целей, прикрываясь интересами народа, а вторые – реального улучшения своего положения. Поэтому, когда я говорю о проблеме социальной справедливости как об одной из серьезных причин терроризма, то имею в виду главным образом его социальную базу, а не организаторов террора – как правило, людей богатых и обеспеченных.

Современный терроризм в широком понимании данного термина (особенно международный) – это не только и не столько столкновение религий, наций, цивилизаций, сколько антагонизм между страшной бедностью нередко потенциально богатых регионов и беспредельным богатством развитых стран. Но и здесь движущей силой выступает не столько сама бедность, сколько величайшая социальная несправедливость в мире, удерживаемая с помощью серьезного прямого и косвенного давления и насилия одних слоев общества над другими, одних стран над другими, одних народов над другими.

Для России эти острые противоречия особенно актуальны. В нашей стране существует глубокая пропасть между бедными и богатыми. Децильный коэффициент (сопоставление 10% самых богатых и 10% самых бедных) значительно превышает социально опасный уровень 1:10, а при сопоставлении доходов одного миллиона самых богатых и одного миллиона самых бедных имущественный разрыв достигает 1:100 [Аргументы... 2002]. Несправедливость этого разрыва, образованного за счет фактического разграбления общенародной собственности, совершенного при попустительстве властей, осознается населением и аналитиками за рубежом [Хлебников, 2001; Лурье, 2002].

К сожалению, социально-экономические причины и проблемы социальной несправедливости почти не анализируются. Даже в США – стране, живущей в постоянном ожидании террористических актов, судя по всему, этого не делается.

В одном из докладов Национальной комиссии США по терроризму под заголовком "Приближающаяся угроза международного терроризма" еще в конце 1999 г. почти пророчески (за два года до событий сентября 2001 г.) говорилось, что террористические организации основаны на идеологической близости и общей ненависти к Соединенным Штатам.

Диагностика этиологии и прогнозирования террористической деятельности против США, видимо, были правильными, но причины этой ненависти не только не устраняются и не минимизируются, но и замалчиваются, ибо их поиск считается непатриотичным. В противном случае пришлось бы признать, что именно американские свободы, богатство, образ жизни вызывают зависть и ненависть окружающего мира. Само американское общество остается закрытым для информации и мнений о нем других стран и народов, рядовые американцы мало знают о растущей ненависти к США во всем мире.

Обратимся к некоторым американским и английским источникам.

Английские авторы З. Сардар и М. Дэвис беспристрастно на большом фактическом материале показывают причины этой ненависти. "Америка... превратилась в предмет страха и отвращения, основанного на конкретном опыте тех стран, которые испытывали американское влияние..." [Сардар, Дэвис, 2003, с. 94]. В числе многих фактов они приводят подробный перечень военных вмешательств США в дела других стран за последнее столетие. Их было 134. Некоторые продолжались несколько лет. Нетрудно подсчитать, что ежегодно в среднем осуществлялось 2–3 и более одновременных вмешательств во всех частях света.

Всемирно известный американский профессор Н. Хомский подвергает беспощадной и развернутой критике американский неолиберализм, или корпоративную систему экономики и политику, развязавшую сегодня под флагом "глобализации" классовую войну против народов мира [Хомский, 2002].

Он полагает, что неолиберализм – это политика, посредством которой относительно небольшая группа лиц, руководствуясь частными интересами, оказывается в

состоянии поставить под свой контроль большую часть социальной жизни. А суть неоллиберальной демократии сводится к пустопорожним дебатам между партиями, которые проводят, по существу, одну и ту же политику в защиту бизнеса, а не народа.

Хомский – ведущий американский критик тезиса о конкурентоспособности, рациональности, эффективности и справедливости рыночной экономики – считает, что конкуренция на рынках встречается довольно редко, большая их часть контролируется огромными корпорациями. По его мнению, глобализация насильственно навязана национальным экономикам могущественными корпорациями с целью обеспечения их господства на мировом рынке. Хомский убедительно показывает, что США стали внедрять неоллиберализм только после того, как собственные компании с помощью государственной поддержки достигли высокой конкурентоспособности. Основные правила неоллиберализма США и подконтрольных им международных финансовых учреждений (МВФ, Всемирный банк, ВТО): либерализовать цены и финансы, дать рынку установить цены, осуществить приватизацию, нейтрализовать правительства и т.д. Именно такие неоллиберальные порядки и породили мощные политические и экономические кризисы в Восточной Азии, Восточной Европе и Латинской Америке.

Выдающийся американский экономист Дж. Стиглиц подчеркивает, что он был бы глупцом, если бы считал, что рынки способны сами решить все социальные проблемы. Неравенство, безработица – проблемы, в решении которых государству принадлежит важная роль. МВФ не допускал возможность государственного вмешательства в функционирование рынков, отрицал необходимость мер, могущих обеспечить улучшение положения страны.

Стиглиц убежден, что государство может и должно играть существенную роль, корректируя провалы рынка и обеспечивая социальную справедливость. Стихийный рыночный механизм, предоставленный самому себе, оставляет большому числу людей слишком мало ресурсов для выживания. Рыночный неоллиберализм сродни дикой природе, где каждая тварь абсолютно свободна до тех пор, пока другая, более сильная и также абсолютно свободная, не съест ее [Стиглиц, 2003].

Порочность неоллиберализма подтверждается повседневно. Она зримо проявилась на саммите Организации Американских Государств в январе 2004 г. Самый острый за всю историю Аргентины экономический кризис заставил эту страну пересмотреть отношения с МВФ и выступить с критикой неоллиберализма. Был сделан вывод: то, что подходит для развитых стран, не годится для Латинской Америки. 220 млн латиноамериканцев живут за чертой бедности. За три года потеряно 20 млн рабочих мест.

Аналогичные примеры можно привести и о "внешнеполитическом неоллиберализме" США, попирающем элементарную международную справедливость. Американский миллиардер Дж. Сорос в ряде книг подвергает серьезной критике политику США. В своей последней книге "Мыльный пузырь американского превосходства" он пишет: «Власть в самой сильной державе на Земле оказалась в руках экстремистов, которые руководствуются одной из самых диких форм социального дарвинизма: жизнь есть борьба за существование, и мы должны в основном рассчитывать на силу, чтобы выжить... Существуют противоречия между концепцией свободы и демократии, которой придерживается администрация Буша, и реальными принципами свободы и демократии. Когда президент Буш говорит, и говорит довольно часто, что свобода победит, в действительности он имеет в виду, что победят Соединенные Штаты... Президент Буш ставит знак равенства между свободой и "американскими ценностями". У него упрощенный взгляд на то, что такое хорошо и что такое плохо... Вторжение в Ирак стало первым случаем практического применения доктрины Буша...» (цит. по [Право... 2003, с. 6]).

В книге Р. Саскайнда "Цена верности" автор на основе бесед с представителями Белого дома рисует картину его закулисной жизни. Бывший министр финансов правительства Дж. Буша-младшего П.О'Нил рассказал, что Буш с момента своего вступления в должность планировал вторжение в Ирак и требовал найти подходящий для этого повод, стремясь любым путем завершить "семейное дело Бушей" в

Ираке [Российская... 2004, 14 января]. Этот факт лишь подтверждает общую тенденцию, о которой давно высказался уже упоминавшийся Хомский: "Большая часть мира видит – и по праву – в США одну из главных стран-террористов" (цит. по [Сардар, Дэвис, 2003, с. 31]).

Приведя высказывания известных людей Америки и Великобритании о беспрецедентном гегемонизме США в мире¹, я озабочен не "традиционной советской риторикой" в отношении этой страны, а желанием понять реальные причины террогенной ненависти к Америке.

В истории нередко объяснения нежелательных явлений слабомотивированной патологической завистью или ненавистью. Это трудно объяснить заблуждениями или поверхностностью суждений. Они политически просчитаны. Некоторые, например, утверждают, что их ненавидят не за их неблагоприятные дела, а за то, что они умнее этих "ненавистников". На мой взгляд, если объективно диагностировано наличие массовой и пролонгированной ненависти, то ее причины достаточно серьезны и глубины. Их надо хотя бы как-то минимизировать, а не оправдываться надуманной глупостью других. И это важно осознать, в том числе и России.

За 1990-е гг. российский неолиберализм почти полностью себя дискредитировал. Р. Берндт из немецкого Фонда либеральной политики пишет, что и «в либеральных демократиях высокоразвитых индустриальных стран... проявляются опасные тенденции, которые нельзя недооценивать. Системы социального обеспечения... все отчетливее оказываются "бомбами замедленного действия", ставящими под угрозу жизненные шансы грядущих поколений... Наконец, экономические возможности, которые свободный рынок мог бы предоставить, уменьшаются до такой степени, что постоянно высокий уровень безработицы окажется как бы неизменным явлением» [Книга... 1997, с. 5]. Российские аналитики полагают, что у нас неолиберализм оказался столь же бессмысленным и беспощадным, как и русский бунт [Российское... 2001; Россия... 2002; Афанасьев, 2001; Хинштейн, 2002; Лурье, 2002; Болдырев, 2003; Хлебников, 2001]. В результате мы получили нелюбовь и даже ненависть к коррупционерам, мошенникам и прочим нуворишам. В условиях обострения представлений о социальной несправедливости происходящего – это закономерные чувства обездоленных и обманутых людей. Оно не реализуется в бунт.

Одним из аспектов характеристики российской демократии можно считать положение о том, *является ли народ действительным источником власти?* Ответ один: нет. Основной путь влияния на власть – выборы. Но для того чтобы быть избранным на выборах, надо иметь много денег или продать себя "денежным мешкам", а после выборов работать на них, а не на народ. Сам процесс выбора определяют те же деньги, на которые покупаются продажные политтехнологи, журналисты, чиновники (административный ресурс) и т.д.

Еще один аспект попрапия социальной справедливости – *нарушение равенства перед законом и судом*. Преступления совершают и богатые, и образованные, и высокопоставленные; правящая, политическая, экономическая элита; президенты, премьер-министры, министры и губернаторы. Коэффициент поражаемости реальной преступностью элитных групп не ниже (или ненамного ниже), чем самых неблагоприятных слоев населения. Каждый слой общества совершает "свой" преступления. Высокопоставленному должностному лицу ничего не надо делать самому, достаточно лишь намекнуть о своих потребностях; государственному чиновнику нет нужды

¹ Е. Примаков назвал "унилатерализмом" внешнеполитическую доктрину США, согласно которой США принимают самостоятельные решения и осуществляют самостоятельные превентивные действия, если опять-таки самостоятельно ими выявляется угроза американской безопасности. Ирак, по его мнению, стал первой жертвой "унилатерализма" и первой территорией, где проявилась несостоятельность такой политики [Российская... 2004, 5 января]. Хотя, по сути, это уже более чем сотая жертва, а не первая.

совершать грабежи, он многократно может обогатиться от продажи конфиденциальной информации и т.д. А ответственность наступает по-разному.

Преступления нищих, бедных и слабоадаптированных к жизни людей легко попадают в жернова системы уголовной юстиции (многие годы до 70% привлеченных к уголовной ответственности не имеют постоянного источника дохода), а преступления власть имущих и преуспевающих почти не оказываются в орбите правоохранительных органов. Хотя именно они причиняют колоссальный материальный, физический и моральный вред, разрушают веру в демократию, проводимые экономические и политические реформы, подрывают доверие к власти и государству.

К уголовной ответственности привлекаются в основном те, кто совершил примитивное и очевидное деяние; кто не смог "замести следы"; кто не способен квалифицированно защищаться; кто не прикрыт депутатской и иной должностной неприкосновенностью; у кого нет защиты наверху; кто плохо понимает презумпцию невиновности; кто не может заявить, что его преследуют по политическим мотивам; у кого нет средств на известного адвоката; кто не может внести залог и выйти на свободу до суда для "заметания следов"; кто не может сфабриковать или добыть необходимый компромат на своих преследователей; кто не может просто откупиться от них и т.д. В законопослушной Западной Европе никто не возмущается арестом директора международного гиганта "Парламент" за растрату не менее 10 млрд евро или отменой в Италии закона о неприкосновенности высших должностных лиц, в том числе и премьер-министра С. Берлускони.

Если бы этот справедливый и демократически выверенный европейский опыт перенести в Россию, то нашей уголовной юстиции работы хватило бы на многие годы. И высокопоставленные коррупционеры, и олигархи-мошенники, естественно, сознают, что они действовали противоправно, эгоистично и коррупционно. Но оправдывают себя тем, что, якобы, все так делали и "дырявые" законы были. Мотивом "так вели себя многие" можно оправдать любое преступление. А либеральный министр Г. Греф говорит, что "дырявые" законы добывались так: «Сначала они покупают дырки в законодательстве, потом покупают чиновников, а потом "оптимизируют" налоги. Наши нефтяники не гнушаются никакими методами, чтобы эти дырки просверлить» [Российская... 2004, 15 января].

Можно привести множество других аспектов беззастенчивого поспрашивания социальной справедливости и правового равенства в России. Известный публицист В. Третьяков пишет: "Война всех против всех и каждого против каждого – вот закон сегодняшней жизни России, вот закон жизни ее элиты" [Третьяков, 2003]. Это и есть серьезная социальная база для экстремизма и терроризма.

* * *

Объективная тенденция глобализации мира, интенсивно проталкиваемая в своих интересах транснациональными концернами и правительствами развитых стран, доминирует в современном мире. Она существенно усугубляет рост мирового терроризма и в целом организационной транснациональной террористической преступности. Назову лишь некоторые криминогенные и террогенные обстоятельства, связанные с глобализацией, отмечаемые в мировой литературе [Мартин, Шуман, 2001; На пороге... 2000; Стиглиц, 2003]:

- резкое снижение уровня занятости, особенно в развивающихся и слаборазвитых странах;
- снижение суверенитета стран перед транснациональными образованиями и другими сильными мира сего;
- дезинтеграция и распад стран;
- доминирование рынков финансовых спекуляций, которые могут поставить те или иные страны на грань финансового краха.

Рассмотрим некоторые из этих обстоятельств подробнее.

Первая криминологически значимая проблема – *проблема занятости*. Глобалисты-прагматики оценивают ее с помощью пары цифр 20:80. При глобализации мира в текущем столетии будет достаточно 20% населения. А остальные 80% останутся лишними, без работы и средств существования. В результате возникнут колоссальные проблемы криминогенного и террогенного характера. Как выразился один из участников дискуссии о глобализации в Сан-Франциско, дилемма будет в следующем: "либо ты ешь ленч, либо на ленч едят тебя" [Мартин, Шуман, 2001]. Это огромная криминологическая проблема, связанная с расширением базы терроризма и организованной преступности.

Вторая криминологически значимая проблема – *проблема рынков финансовых спекуляций*. Более 80% финансового капитала находится в свободном плавании и не имеет реального материального наполнения. Это рынок, где деньги делают деньги, то есть рынок игроков в рулетку. Благодаря компьютерным технологиям финансовый рынок, львиная доля которого – это рынок финансовых спекуляций, железным обручем стянул все страны вокруг крупнейших финансовых магнатов стран "золотого миллиарда". Это позволяет им в зависимости от своих интересов ставить те или иные страны на грань финансового краха. Например, политика Правительства США, направленная на снижение курса доллара в интересах своей экономики, уже привела к потере российскими доллародержателями более 2 млрд долл. Кроме того, она отрицательно сказывается на экономике большинства стран мира и имеет криминогенный и террогенный характер [Аникин, 2002; Сорос, 1999].

Третья криминологически значимая проблема – существенное снижение возможностей национальных правительств в управлении обществом, в борьбе с преступностью. В конце 2000 г. Всемирный банк главными проблемами назвал глобализацию и локализацию, которые составляют на сегодняшний день для мирового сообщества два противоречивых мировых вызова [На пороге... 2000].

Глобализация диктует, чтобы национальные правительства стремились к заключению соглашений с другими национальными правительствами, международными организациями, в том числе военными, неправительственными организациями и многонациональными корпорациями, роль которых чрезвычайно усиливается. Они навязывают подчинение наднациональным образованиям и ограничение власти национальных правительств.

Локализация требует, чтобы национальные правительства договаривались ("делились") с регионами и городами, определяя для них свои зоны ответственности через субнациональные институты. Однако этот процесс чреват и децентрализацией власти, а часто и распадом стран, особенно в случаях, когда он может быть сочтен выгодным и поддержанным наднациональными военными и экономическими образованиями (яркий пример тому – Чечня). Не исключено, что на нашей планете может образоваться до 500 государств.

И глобализация, и локализация создают условия для разрастания организованной преступности и террористической деятельности в ситуации выживания. Все это – серьезная социально-экономическая база для организованной преступности и терроризма. Поэтому ошибочно рассматривать западных антиглобалистов только как экстремистски настроенную часть маргинальной молодежи. О тяжелых последствиях глобализации предупреждают политически не ангажированные исследователи общемирового уровня. Глобализация объективна. Ее не избежать, но проблема минимизации ее возможных и уже наступающих криминогенных и террогенных последствий чрезвычайно актуальна. И такое понимание, как показывают последние международные форумы, постепенно приходит.

В начале прошлого столетия в связи с острыми политическими, экономическими и социальными противоречиями шел интенсивный процесс революционизации народных масс. Революционное насилие, каким бы справедливым оно ни было, по методам действий сродни террористическому. Ответом на надвигающуюся революцию со стороны власти было не решение политических, социальных и экономических проблем,

а полицейское насилие. Революция победила в России и стала распространяться на другие страны.

В связи с современными серьезными социально-экономическими и политическими проблемами мир оказался перед новыми серьезными испытаниями [Тураев, 2002]. В начале текущего столетия политические, социальные и экономические противоречия в глобализирующемся мире выдвигают новых революционеров-террористов, поддерживаемых нищими и обобранными народами, к тотальной террористической деятельности против богатых и ненавистных стран и правительств. И снова ответом является не решение накопившихся проблем в условиях голода, нехватки органического сырья и биоресурсов, а разработка новых методов насильственной защиты (этим особо отличаются США), что кардинально проблемы противотеррористической защиты не решает.

Не следует забывать и об интенсивно наступающих глобальных демографических диспропорциях, когда прирост населения в богатых странах фактически прекратился и приобрел отрицательную динамику с одновременным и быстрым старением населения, а темпы прироста населения (в том числе мусульманского) в беднейших и перенаселенных странах Азии, Африки, Латинской Америки растут.

Авторы изданной по заказу Пентагона книги "Терроризм 2000: будущее лицо террориста" М. Сетрон и О'Дэвис считают, что завтрашние террористы будут вдохновляться не политической идеологией, а яростной этнической и религиозной ненавистью, что ядерное, биологическое и химическое оружие окажется идеальным для их целей [Современный... 2000].

Все эти непримиримые противоречия, огромные коммуникационные и технологические возможности показывают, что поставить действенный заслон разработке ядерных программ и распространению ядерного оружия (например, в Израиле, Индии, Пакистане и Северной Корее) практически не удастся. А значит, возрастает опасность террористической деятельности с применением средств массового уничтожения людей, если не произойдет *своевременного и радикального пересмотра мировой политики в интересах спасения всей человеческой цивилизации, а не ее отдельных стран.*

Сказанное – не оправдание терроризма. Это прогноз. Недовольством граждан в связи с обостряющимися противоречиями квалифицированно манипулируют организаторы терроризма в своих корыстных, политических, националистических, религиозных и иных целях. Недовольные используются лишь как зомби-исполнители, а также как пушечное мясо. И если удастся раскрыть дело, то только они и привлекаются к уголовной ответственности.

При этом не надо забывать о пока крайне *низкой эффективности борьбы с терроризмом.* Общеизвестно, что преступная деятельность вообще очень прибыльна: минимум усилий и максимум выгоды (если не учитывать "лотерейной" уголовной ответственности). Успешность террористической деятельности в несколько раз выше анти-террористической. Терроризм веками используется в качестве оружия в борьбе с политическими и иными противниками. При ограниченных силах и средствах он позволяет достигнуть значимых политических, идеологических или экономических целей. А возможность ответственности за его совершение почти нулевая.

Более того, для зомбированных террористов-смертников никакое наказание не страшно. А организаторы террора практически недостижимы для правосудия. Раскрываемость преступлений, квалифицируемых как терроризм, крайне низкая. В 2002 г. в России расследовалось 518 случаев терроризма, завершено расследование лишь 16,6% преступлений, из которых около 4% совершены организованными преступными формированиями. Общеизвестно, что на современном этапе террористов-одиночек почти нет. Нераскрытые организации продолжают действовать, подставляя недовольных (из той самой обманутой социальной базы) под пули и уголовное наказание.

Обратимся к революции 1917 г. В мировой литературе она, как правило, именуется "русской". И русские действительно доминировали на баррикадах. У них были к

этому серьезные социальные причины. Однако, по данным газеты "Лондон таймс", в 1918 г. из 384 комиссаров только 13 были этнически русскими. Что-то похожее можно наблюдать в Чечне. Действительно, исполнителями почти всех террористических актов в России были (или предполагаются) чеченцы. А кто ими руководит, кто их готовит, кто их финансирует, кто обеспечивает вооружением и т.д.?

Отдельные люди, группы, слои, а иногда и целые народы, разделяющие декларируемые цели лидеров терроризма, а чаще всего обманутые ими, мотивационно озабочены своими реальными проблемами. Они составляют для террористов ту самую социальную базу, на которую те опираются и поддержкой которой спекулируют.

Поскольку в процессе развития человеческого общества политические, социальные, экономические, национальные, территориальные и иные противоречия постоянно нарастают, социальная база для терроризма также расширяется. Именно эти тенденции определяют ныне усиление борьбы с преступностью террористической направленности, расширение взаимодействия стран и создание различных национальных и наднациональных образований, основная задача которых – сужение социальной базы террористов и удержание контроля над расширяющейся террористической деятельностью.

Поэтому надо думать не об исключительной антитеррористической защищенности отдельных стран, а мира в целом, не об изобретении все новых и дорогостоящих форм контроля за поведением волюнтаристски стигматизированных групп людей и целых народов (почти по Дж. Оруэллу), а над решением социально-экономических проблем народов мира, и в XXI в. находящихся на грани нищеты и воспринимающих сложившийся миропорядок как явно несправедливый.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин А.В.* История финансовых потрясений. М., 2002.
Аргументы и факты. 2002. № 1–2.
Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия. М., 2001.
Болдырев Ю. Русское чудо. Секреты экономической отсталости. В 2 кн. М., 2003.
Книга для чтения о либерализме. Гамбург, 1997.
Лурье О. Украденная Россия. М., 2002.
Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализации. Атака на процветание и демократию. М., 2001.
На пороге XXI века. Доклад о мировом развитии 1999/2000 года. М., 2000.
Право и безопасность. 2003. № 3–4.
Российская газета. 2004. 5, 14, 15 января.
Российское общество и радикальные реформы. М., 2001.
Россия. Планетарные процессы. М., 2002.
Сардар З., Дэвис М.В. Почему люди ненавидят Америку? М., 2003.
Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000.
Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.
Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.
Третьяков В. Бремя всевластия // *Российская газета.* 2003. 11 декабря.
Тураев В.А. Глобальные вызовы человечеству. М., 2002.
Хинштейн А.Е. Какого цвета страх? М., 2002.
Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М., 2001.
Хомский Н. Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок. М., 2002.